

Яков Шехтер

Царь,
царевич,
сапожник,
бунтарь

АЗБУКА

Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ш54

Оформление обложки:
Студия графического дизайна FOLD & SPINE

Издание подготовлено при участии
Литературного агентства «Флоберיום»

Шехтер, Яков
Ш54 Царь, царевич, сапожник, бунтарь : роман / Шехтер Яков. —
М. : Издательство АЗБУКА, 2025. — 464 с. — (Имена. Российская
проза).

ISBN 978-5-389-30613-4

В маленьком местечке Бирзуле жизнь течет неспешно и спокойно. Здесь все точно знают, что станут делать завтра, послезавтра, через несколько лет.

Гиршу такая жизнь была совсем не по сердцу. Все началось с того, что однажды он обнаружил в книжной лавчонке старый английский словарь, который выучил шутки ради, а потом и роман «Приключения Оливера Твиста» на английском, который тоже прочел — его завораживали незнакомые слова, непривычное строение фраз. Этот словарь и потрепанная книга сыграли решающую роль в жизни Гирша — он решил во что бы то ни стало учиться, и не где-нибудь, а в Москве.

Москва начала XX века не Бирзула — здесь все кипит, здесь назревает революция. Гирш тоже оказывается на баррикадах — на его глазах проливается кровь, ломаются судьбы, погибают люди.

Опыт бунтаря и свидетеля насилия отрезвляет Гирша.

Среди шумных улиц и революционной сумятицы он пытается сохранить главное — способность думать, сомневаться и любить.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-30613-4

© Я. Шехтер, 2025
© ООО «ФОЛД ЭНД СПАЙН», обложка, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
АЗБУКА*

Глава первая

БИРЗУЛА И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ

— Гирш, перестань пялиться в окно! — Голос меламеда дрожал от возмущения. — Ну что ты там заметил? Неужели обнаружил что-то новое?

Гирш шмыгнул носом и пожал плечами. Разве он мог сказать меламеру, что клубы паровозного дыма, поднимающиеся над вокзалом Бирзулы, пробуждают в нем мечты о будущем? И какие мечты! Похожие на сладкие сны, на несбыточные призраки. Впрочем, призраки и без того всегда были с ним — тени матери и отца постоянно сопровождали Гирша.

— Ну-ка повтори то, что я сейчас сказал, — грозно велел меламед.

— У всякой вещи есть внешняя оболочка и заполняющая ее суть, — забубнил Гирш. Прекрасная память позволяла ему запоминать все, что говорил меламед, даже если внимание было поглощено чем-либо иным. — Наполнение — это свет Всевышнего, дарующий жизненность всему сущему. Бывает, что связь со Всевышним нарушается и вещь падает вниз.

— Что значит нарушается, как падает и куда вниз? — более мягким тоном уточнил меламед.

— Это похоже на буквы в слове, — заученно забубнил дальше Гирш. — Если все буквы стоят на своих местах, то смысл слова понятен. Если их переставить в случайном порядке, то буквы, то есть оболочка, останутся прежними, но смысл, то есть жизненность, пропадет. Нарушение связи со Всевышним и есть потери жизненности и падение. Чем дальше от Бога, тем ниже падение. Чтобы вернуть жизненность, надо восстановить первоначальный порядок букв. В том и состоит работа человека на земле, реб Зисл. Так вы нас учили.

— Говоришь правильно, — недовольно произнес меламед. — Только смысл сказанного от тебя ускользает. Ты просто бубнишь по памяти.

Он вытащил из внутреннего кармана изрядно потертого лапсердака табакерку и стал подцеплять крышку желтым ногтем. Меламед реб Зисл, в юности видный мужчина, с годами сник и скукожился. Его лицо напоминало печеное яблоко, ярко-голубые когда-то глаза выцвели и стали цвета наволочки, пересиненной нерадивой хозяйкой. Борода поредела, от зубов остались лишь тройка самых крепких. Реб Зисл без конца припадал к табакерке с нюхательным табаком и запихивал его в нос с тщательностью и радением больного, принимающего спасительное лекарство. К нюхательному табаку меламед пристрастился по той простой причине, что курение по субботам запрещено, а нюхать — всегда пожалуйста.

Не он один был слаб на понюшку, многие евреи Бирзулы не мыслили и часа без основательной заправки носа. Считалось, будто табак очищает дыхательные органы, помогает от насморка и способствует быстрому выздоровлению от простуды и других болезней. Ну и, кроме того, доставляет немалое удовольствие, на которое так скудна жизнь в Бирзуле.

По субботам евреи в синагоге угощали друг друга из личных табакерок. Они представляли собой что-то вроде визитной карточки. Возьмешь в руки — и сразу понятно, каков хозяин.

Были дорогие табакерки с золотыми крышками и монограммами владельцев — гравированными, вытесненными, а то и литыми. Были серебряные, с затейливым рисунком, с тонким, напоминающим скань, узором из проволочек. Были деревянные, с выжженными узорами — в основном магендовидом или профилем иерусалимской башни Давида.

Стоит ли говорить, что меламед пользовался самой обыкновенной берестяной табакеркой. Он считал себя хабадником и юность провел в Любавичах, усваивая премудрости хасидизма. Зисл много раз видел Ребе, таял от восторга на его уроках, молился с ним в одной синагоге. И когда Ребе послал его в Бирзулу учить еврейских детей, он воспринял это как миссию, как высокое предназначение, указанное цади́ком.

Восторги юности похожи на цветы. Они прекрасны, радуют глаза и ласкают обоняние, но мгновенно никнут под дуновением холодных ветров. С годами

угас восторг, ушло радостное биение сердца, выполнение миссии превратилось в добывание куска хлеба. Скудного и горького хлеба меламеда.

Преподавание детям основ хасидизма было тем немногим, что пережило морозы суровой жизни. Через хейдер реб Зисла прошли сотни мальчишек, и он безошибочно мог определить, из кого выйдет толк, а кого надо отдавать в ученики к портному, сапожнику, столяру или булочнику. Благодаря прекрасной памяти Гиршу удалось долго водить за нос не только попечителей, но и многоопытного меламеда. Теперь, похоже, время разбрасывать камни подошло к концу.

— Тебя считают хорошим учеником, — печально, но весьма решительно произнес реб Зисл, — однако меня не проведешь. Ты не только не хороший, ты вообще не ученик. Тебе давно наскучила учеба, мысли твои заняты посторонним. Я буду вынужден поговорить сегодня с твоим опекуном. Насколько я вижу, тебе нет смысла оставаться в хейдере.

Меламед замолк и перевел взыскующий взор на Гирша. Меламед ожидал, что тот начнет возмущаться, станет оправдываться, умолять не выгонять его, возможно заплачет или хотя бы всхлипнет от горестного известия, но Гирш лишь снова пожал плечами. Ему было все равно.

Щуплый, ушастый, с несоразмерно большой головой, мелкими зубами и цепким взглядом черных глаз из-под всегда насупленных бровей, Гирш был откровенно некрасив. Бывает, что щедрость материнской любви сглаживает острые углы урод-

ства и придает миловидность даже отталкивающим чертам. Но этой любви Гирш был лишен.

Он осиротел в шесть лет — его отец, мелкий разносчик на узловой станции, угодил под поезд, а мать через месяц умерла от горя. Легла вместе с маленьким сыном спать и не проснулась. Холод внезапно отяжелевшего материнского тела навсегда вошел в сердце мальчика.

Гиршу постоянно было холодно. Возможно, пади он к другим любящим людям, этот холод бы ушел или стал не столь пронизывающим. Но близких родственников у матери не оказалось, а братья отца разъехались по белу свету кто куда, ищисвищи. Община взяла на себя заботы о сироте. Он получал свою порцию похлебки, сносную одежду и обучение в хейдере.

Но любить его никто не любил. Тяжело любить чужого уродца. А Гирш... Гирш не мог выговорить слова «мама» и «папа», его рот словно заклепали намертво, а горло пережали.

— Способностей на тебя Всевышний не пожалел, только они тебе как корове седло, — продолжил меламед, рассчитывая, что нерадивый ученик сломается и начнет вымаливать прощение. — Сколько языков ты знаешь?

— Идиш, иврит, арамейский, русский, украинский, — ответил Гирш.

— Видишь, есть у тебя способности! — торжествующе воскликнул меламед. — Только на что ты их тратишь? Твоя голова вместо учебы заполнена паровозным дымом.

Гирш молчал. Реб Зисл был прав по всем пунктам.

Для души и ради отдыха Гирш ходил на железнодорожную станцию. А на что, кроме поездов, смотреть в Бирзуле? На кирпичный завод, четыре лавки и корчму? Сколько раз можно озирать паровую мельницу или спастись от пришлых, собиравшихся в Бирзуле в надежде найти работу? В ожидании найма те жили под открытым небом, ели кто что мог, а потом разбредались по окрестным деревням выполнять за гроши любую работу.

Ох и натерпелся от них Гирш! Его невзрачный вид словно притягивал желающих отвести душу. И грабили его пришлые, отбирая все, включая одежду, и лупцевали, пользуясь тем, что он не умел дать сдачи. Били не со зла, а просто так, для забавы, найдя того, кто слабее и беззащитнее. А уж дразнили жидом пархатым и плевали в лицо — без счета. Гирш убегал от них, заведя издали, но они таскались по всей Бирзуле, и ему иногда приходилось попадать к ним в лапы.

Жалобы городовому мало помогали, тот выслушивал попечителей, принимал подношение и отправлялся наводить порядок зуботычинами и оплеухами. Способ весьма действенный, и пару недель Гирш чувствовал себя спокойно. Но потом избитые пришлые и те, кто был свидетелем избития и знал, из-за кого осерчал городской, исчезали, то ли найдя работу, то ли отправившись на ее поиски, и на их месте оказывались новые.

Как-то раз после очередной затрещины Гирш утащил из кухни небольшой, но остро заточенный ножик для разделки мяса и стал носить его в кар-

мане. Случай не замедлил представиться. Пришлый вынырнул из-за угла, когда Гирш возвращался из хейдера, и ленивым движением сорвал с него шапку.

— И спинжак сымай, и сапоги, — велел хлипкий мужичонка, ростом немногим выше Гирша. Он был уверен в своей безнаказанности, небрежно покручивая на пальце шапчонку уродливого жиденка.

Гирш засунул руку в карман, крепко сжал рукоятку и, вытащив нож, всадил его в плечо мужичонки. Кровь брызнула, попав пришлому в лицо. Он уронил шапку, зажмурился, схватился за рану и заорал дурным голосом. Гирш подхватил шапку и помчался домой.

Он не высовывал нос до следующего утра, в страхе ожидая то ли городского, то ли мужичонку с другими пришлыми. Но никто не пришел. И утром по дороге в хейдер было тихо. Гирш еще несколько дней носил нож в кармане, но больше никто к нему не приставал. Пришлых не убавилось, но они перестали его замечать. Ударом ножа он словно отогнал от себя облако, притягивающее к нему желающих позабавиться.

На станцию пришлых не пускали, там было чисто, спокойно и главное — интересно. Гирш наблюдал за поездами так, как театралы наблюдают премьеру спектакля. Их прибытие и отправление вызывали у него приливы радости. Прокрутка красных колес, клубы пара, мощные очертания черных корпусов паровозов, увенчанных, словно короной, дымящейся трубой, веселое мелькание

голубых и зеленых пассажирских вагонов с ласково светящимися желтыми окошками пробуждали мечты и будили воображение.

Гирш точно знал: как только он сможет — уедет из Бирзулы. Провести жизнь, уткнувшись в книгу, представлялось ему самым большим наказанием. Поэтому ему нечего было сказать меламеру

— Хорошо, — вздохнул реб Зисл. — Собирай вещи и отправляйся домой. Завтра можешь не приходить, твоя учеба закончилась.

Через день Гирша определили к сапожнику. Начав работу подмастерьем в четырнадцать лет, к семнадцати он умел чинить все — тачать мужские сапоги, женские высокие ботинки на шнуровке, туфли и легкие летние сандалии. Сапожник, реб Залмен, не мог нахвалиться.

— Хорошие у тебя руки, Гершеле. Ловкие пальцы, точный глаз. Если пойдешь дальше по сапожной части, станешь большим мастером.

У самого реб Залмена пальцы походили на толстые недоваренные сосиски, а цвет лица был как у непропеченного хлеба. Части его тела напоминали Гиршу разные блюда. Наверное, потому, что все годы работы у сапожника он ходил голодным. Харчи подмастерья были составной частью обучения, и на них Ента, жена реб Залмена, основательно экономила.

Жил Гирш тоже у реб Залмена, в сарайчике, примыкавшем к избе, поскольку негоже юноше спать в одном доме с двумя молодыми девушками. Достоинствами сарайчика были отдельный вход и стенка, примыкающая к печке. Предыдущий хо-

зьяин избы выращивал телят, поэтому в сарайчике должно было быть тепло.

— Так по какой еще части мне идти, реб Залмен? — отговаривался Гирш, с теплом вспоминая о мешочке под половицей, куда он потихоньку откладывал монеты. До восемнадцати лет получить в мещанской управе Бирзулы паспортную книжку можно было только за большую взятку. Поэтому оставалось ждать и копить деньги, на которые — эх! — он купит билет на поезд и уедет в большой город.

С накоплением шло туго, реб Залмен хоть и хвалил Гирша вне всякой меры, но жалованье сверх оговоренного вначале ни на копейку не набавлял. Оно и понятно, две дочки на выданье, и не такие красавицы, чтобы рвали из рук даже с малым приданым.

Старшую, Тирцу, реб Залмен хотел отдать за Гирша. Подкатывал к нему не раз и не два, сначала издалека, а потом прямо в лоб. Гирш отвечал уклончиво, хотя Тирца ему нравилась. И смуглая кожа, и острые черты, и торчащие ушки, и быстрый промельк доверчивых и одновременно слегка плутоватых глаз. В общем-то ничего особенного, девушка как девушка, не красавица и не уродка, но для его, Гирша, глаз — вполне симпатичная. Из таких получают хорошие жены. Только куда ему сейчас жена, когда весь он устремлен в прекрасное будущее и не знает, куда занесет его судьба?

Жениться на Тирце означало навсегда осесть в Бирзуле, работать вместе с тестем, пока тот в со-

стоянии держать в руках молоток и дратву, а потом продолжать уже самостоятельно. Тирца будет вести хозяйство и рожать детей, время потечет, разграфленное субботаами на ровные столбики недель, месяцев, лет.

Ни за что! Он должен увидеть мир, большие города, должен услышать, как говорят на английском языке. Этот язык стал страстью Гирша, его болезненно расчесанным вкусом, не дающим покоя ни днем ни ночью.

В пятнадцать лет он купил в книжной лавке англо-русский словарь. Обычно он уносил в свою сараюшку книжки о путешествиях или толстые романы в бумажных обложках о приключениях в заморских странах. На чтение он тратил часы перед сном и сжег немало свечей, увлеченно перелистывая страницы до полуночи.

Словарь он купил потому, что отдавали его за гроши. Сын помещика, владельца одного из имений в окрестностях Бирзулы, стрелял в саратовского генерал-губернатора. Студент Московского университета, юрист, револьвера толком в руке держать не умел. Три раза промахнулся с пятидесяти шагов. Его взяли на месте покушения, посадили в крепость, суд приговорил к повешению.

Помещик бросился в Саратов. Бегал по инстанциям, извел кучу денег на подношения жандармам и судейским, плакал на приеме у губернатора. Губернатор написал письмо на высочайшее имя с просьбой помиловать юнца. Николай наложил резолюцию: помиловать, если студент подаст прошение. Студент гордо отказался. Его повесили.

Отец, обозленный на весь мир, а больше всего на собственного сына, собрал все его вещи и отдал старьевщику. Среди книг оказался англо-русский словарь, никому в Бирзуле не нужный.

Гирш в жизни своей не слышал ни одного английского слова, но польстился на красивый переплет и туман незнакомого языка. Купив словарь за бесценок, он стал перелистывать его ради забавы. Просто было интересно, как по-английски «собака» или «дождь». Слова сами собой входили в его голову. Он придумал игру: открывать книгу наугад и вспоминать попавшееся на глаза слово.

Спустя полгода Гирш знал наизусть почти половину словаря. Он пытался произносить выученное как умел, как понимал. Выходило странно, и не только для его слуха. Если бы Гирша услышал англичанин, он бы решил, что с ним разговаривают на каком-то диалекте идиша.

В той же лавке Гирш обнаружил «Оливера Твиста». Книжка была покрыта пылью и лежала на самой дальней полке. Как она туда попала, никто не знал, включая хозяина лавки. Гирш стер с нее пыль, заплатил сущую безделицу и утащил в свою норку, сгорая от любопытства.

Просидев над первой страницей половину субботы, он пришел сначала в недоумение, а потом в отчаянье. Практически все слова он знал, но никак не мог ухватить смысл. Порядок расположения слов в предложении был совсем иным, не похожим ни на русский, ни на арамейский. Любую фразу можно было истолковать несколькими способами.

К счастью, он вспомнил, что в конце словаря есть небольшая статья по грамматике, на которую до сих пор он не обращал внимания. Стойкое отвращение к любым правилам заставляло его презрительно пропускать эти странички. Теперь же он припал к ним, как путник в пустыне припадает к оазису.

Прошло несколько месяцев, пока Гирш разобрался в том, как нужно читать по-английски. Уложить в голове иной порядок слов в предложении оказалось совсем непростым делом. Он и представить себе не мог, что чтение способно отнимать столько сил. Потратив на бой с книжкой час или полтора, он со вздохом облегчения возвращался к дратве и молотку. С обувью все было просто и понятно.

Постепенно правила отложились в его памяти, и в один из дней, взявшись за чтение, он вдруг поймал себя на том, что прочитал уже три страницы и может почти без труда продвигаться дальше.

«Оливер Твист» произвел на Гирша тяжелое впечатление. Не то чтобы ему было хорошо в Бирзуле, но все-таки жизнь в ней катилась по хорошо накатанной колее и по сравнению с Лондоном казалась куда более спокойной и счастливой. Попасть на его улицы нищим, бесправным и бездомным ему вовсе не улыбалось.

Но описания улиц, накрытых туманом, барж на Темзе и даже грязи в сточных канавах пробудили в нем беспокойство. В Гирше проснулось желание услышать английскую речь и повидать, ну если не Лондон, то хотя бы Одессу. На улицах портового

города, несомненно, можно встретить британских моряков.

От Одессы его отделяло несколько часов поездом, но Гирш никак не мог отважиться на поездку. Он родился и вырос в Бирзуле и дальше окрестных деревень никогда не выбирался. Что он будет делать в Одессе, куда пойдет, выйдя из вокзала, где заночует? Посоветоваться было не с кем. Все знакомые Гирша тоже никогда не покидали Бирзулу.

Гремучая смесь нереализованного желания и страха совершить поступок толкала Гирша на обидные размышления.

«Что из тебя получится в итоге? — спрашивал он себя и тут же отвечал: — Да ничего! Держишь в плотно стиснутых зубах сапожные гвоздики, а за ним шесть языков. Ты способен только вколачивать эти гвоздики в подошвы. А все потому, что трус. Трус и неудачник. И место твое за сапожным верстаком. Тут ты и проведешь всю свою жизнь».

Работа приносила хоть временное, но забытие и вместе с ним успокоение. Гирш вгрызался в подошвы, каблуки и стельки с яростью настигшего добычу волка. Реб Залмен не догадывался об истинной причине рьяности подмастерья, ему, честно говоря, не было большого дела до того, что таится в голове Гирша. Людей он рассматривал только с точки зрения полезности.

Как помощник, за гроши выполняющий море работы, Гирш был весьма полезен. Еще более полезным он мог оказаться в роли зятя. А глубже реб Залмен не вникал. Не мог или не хотел, это уже не важно. Учение, во всем своем великолепии, тай-

нах и глубине, лежало вне его жизни. Со стороны он выглядел простым сапожником, три раза в неделю дремлющим на уроках по Талмуду. На уроки он ходил не по желанию, а лишь потому, что так приучили в детстве. Отец его засыпал на уроках Торы, и дед, и прадед.

Реб Залмен пребывал в полной уверенности, что достойно несет бремя, возложенное на него Всевышним. Такая жизнь представлялась ему простой и честной, а мысли о том, что кому-то она может казаться плоской, он решительно выметал из головы. Сапожник реб Залмен пребывал в святой уверенности, что живет правильно, и намеревался передать эту уверенность, вместе с привычками и заведенным распорядком календаря, дочерям и внукам.

Поначалу реб Залмен поручал Гиршу простую работу: поменять стершиеся набойки, выправить каблук, залатать прохудившуюся подошву. Шло время, и потихоньку он стал перегружать на ученика то, что всегда делал сам. Спустя несколько лет у реб Залмена вдруг образовалось свободное время, он мог уже не давиться во время обеда, а неторопливо опорожнять принесенную женой кастрюльку. А потом, раздув самовар и развернув газету на идиш, минут сорок спокойно изучать новости, запивая ароматным индийским чаем с обязательной долькой лимона.

Заваривать чай Гирш научился у реб Залмена, вот только наслаждаться им в первые годы ученичества удавалось лишь вечером, покончив с основной массой ежедневных заказов. Гирш почти

не уходил из мастерской. Дома его не ждала семья, друзьями он не удосужился обзавестись, уроки в синагоге его тоже не привлекали, а чем сидеть в сарайчике, лучше оставаться в мастерской.

С работой было просто: каблуки, подметки, шнурки, гвоздики и дратва безмолвно подчинялись его воле. Ах, если бы и все другое в его жизни так же послушно склонялось перед его желаниями... Но об этом оставалось только мечтать.

Столовался Гирш тоже у реб Залмена. Его жена, экономная Ента, кормила всю семью и заодно подмастерье чрезвычайно скудно. Нет, от голода никто не страдал, но хороший аппетит не покидал их ни на минуту. Кроме субботы: в этот день Ента не экономила, и Гирш отъедался за всю прошедшую неделю и старался наесться на всю будущую.

Получалось плохо, но зато за столом они проводили по несколько часов, потому что семья сапожника отъедалась точно так же. Реб Залмен изрядно украшал эти часы своими рассказами. Говорить он любил и умел, поэтому любой мелкий случай из жизни превращался в увлекательную историю, полную смысла и назидания.

Родился реб Залмен в Вильне и, по его словам, до девятнадцати лет учился в ешиве.

— Наша ешива была в Шнипишкес, районе Вильны, неподалеку от Кальварийского рынка, — рассказывал реб Залмен. — Ай, какие яблоки продавались на этом рынке! Во всем мире не сыскать таких яблок!

— А чем наши плохи? — ревниво возражала уроженка Бирзулы Ента.

— Ваши не плохи, но не идут ни в какое сравнение, — отвечал реб Залмен жене, из-за которой он оставил Вильну и оказался за тысячу верст от родного города.

Соломон, отец Енты, в то время зажиточный торговец зерном, решил добыть себе ученого зятя. И не откуда-нибудь, а из самой Вильны, центра еврейской мудрости.

— Ладно, я — простой еврей, с трудом разбирающий слова молитв, — повторял он жене. — Зато зять у нас будет раввином. И его дети тоже, и после нашей с тобой смерти их поминальные молитвы помогут твоей и моей душе пробиться через закрытые для неучей небесные врата.

— Разбежится ученый парень жениться на нашей Енте, — возражала жена. — Возьмет большой разгон.

— Разбежится, да еще как, — отвечал Соломон, за годы, проведенные в торговле, свято уверовавший, что все на свете можно купить. Ну если не все, то почти все, а уж ученого зятя так запросто.

А Ента, ох, Ента, брюнетка, с пышными вьющимися волосами, большими глазами угольно-черного цвета и ямочками на нежно-розовых щеках. Ее ослепительно белая кожа выглядела бархатистой, в маленьких ушках теплились золотые сережки с блестящими камушками. Одежда сидела на Енте аккуратно и гладко, да так, что при всей скромности фасона, присущего добродетельной дочери Израилевой, не скрывала волнующих форм. В сочетании с солидным приданым Ента должна была сразить наповал любого жениха.

Когда пришло время беспокоиться о поисках достойного претендента в зятя, Соломон без долгих разговоров поехал прямо в Вильну. Узнав в привокзальной синагоге, какое учебное заведение считается самым лучшим, он отправился в Шнипишки и попросил увидеть главу ешивы.

Секретарь, услышав южный диалект идиша и увидев, с какой пышной вульгарностью разодет проситель, холодно осведомился о цели посещения. Соломон почувствовал, что на него смотрят, как на муху в пасхальном бульоне.

Он не ошибся: секретарь намеревался записать адрес незнакомца, уведомить, что его известят о времени визита, и, разумеется, выкинуть адрес, будто муху из бульона, как только этот разряженный павлин выйдет за порог. Но то, что произнес павлин, резко изменило его планы.

— Я хочу сделать пожертвование на ешиву, — солидно произнес Соломон. — Крупное пожертвование.

Соломон не любил расставаться с деньгами, но за хороший товар надо хорошо заплатить. То, что покупается по дешевке, в конечном счете всегда оказывается завалью.

Не без внутренней ухмылки он наблюдал, как на глазах переменялось лицо этого надменного лытвака.

— Глава ешивы сейчас ведет урок, — нормальным голосом произнес секретарь, еще несколько секунд назад не ставивший ни во что незваного посетителя. — Когда он закончит, я передам ему вашу просьбу.

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Яков Шехтер

ЦАРЬ, ЦАРЕВИЧ, САПОЖНИК, БУНТАРЬ

Ответственный редактор Ю. Раутборт
Литературный редактор Т. Тимакова
Технический редактор Л. Синицына
Корректоры О. Дугова, А. Асанова
Компьютерная верстка В. Демин

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 21.10.2025.

Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,36.

Тираж 2500 экз. Т-РПІ-39798-01-Р. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА»	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қаласындағы
в г. Санкт-Петербурге	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А	Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

